

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АБСОЛЮТНОГО И ОТНОСИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ В ФОРМЕ ПЕРФЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ)

В. Г. Бойко

Предметом анализа в данной статье избрана форма перфекта двух языков, которые, являясь генетически родственными, относятся к разным языковым подгруппам распространения. Такая сопоставительная работа позволяет обнаружить с одной стороны, типологически подобные черты, порожденные генетической общностью, а с другой, особенности, являющиеся результатом индивидуального развития. При этом надежда установить единый семантический потенциал перфектной формы в сопоставляемых языках подкрепляется постулатом о том, что грамматика представляет собой наиболее устойчивую языковую систему, обнаруживающую сильную тенденцию к сохранению, как бы далеко ни разошлись в ходе своего исторического развития родственные языки. Эта мысль созвучна положению о том, что в родственных языках "общие контуры грамматических классов и основное содержание грамматических категорий обнаруживают значительное подобие" (Ярцева, 1966, с. 6).

Переходя к проблематике, хотелось бы отметить, что англо-исландские параллели уже были предметом анализа при сопоставлении малой системы прошедших времен в германских языках, в состав которой входит и перфект (Казанцева, 1973). Однако в предлагаемой нами работе перфект рассматривается в ином ракурсе, под углом зрения его соотношенности с моментом речи (МР) и вытекающими из этого темпоральными характеристиками, каковыми являются значения абсолютного и относительного времени.

Прежде всего посмотрим, как трактуется перфект в указанных языках. Начнем с английского, где эта проблема освещена более подробно. Одни ученые в перфекте английского языка видят лишь категорию времени, другие отмечают в нем проявления различных видовых показателей, третьи предлагают объяснение, отличное от первых двух и построенное на принципе временной соотнесенности. При этом нет единства и определенности как у авторов, относящих перфект к форме времени, так и у тех, кто обнаруживает в нем аспектуальные признаки. Второй подход особенно показателен – тут мы сталкиваемся с довольно большим разнообразием концепций. Так, Г. Н. Воронцова (1953, с. 3–31) считает его особым видом преемственности. W. T. Bryan (1936, р. 375), M. Deutschbein (1939, р. 18), В. М. Charlstone (1941, р. 96) относят его к ретроспективному виду, G. O. Curm (1935, р. 320), I. C. Nesfield (1979, р. 56) и Н. Poutsma (1922, р. 130) видят в нем значение завершенности, а Б. А. Ильиш (1948, с. 165–166) трактует его как результативный вид. Но оставив в стороне видовые характеристики перфекта, мы сосредоточим внимание на его темпоральном статусе. Тут обнаруживаются два подхода: 1) отстаивая точку зрения на перфект как на временную категорию, одни исследователи считают его лишь формой относительного времени (Ganshina, Vasilevskaya, 1964; р. 145; Markchwardt, 1942, р. 133), 2) другие видят в нем, кроме относительного, также и абсолютное временное значение (Иртеньева, 1956, с. 86; Натанзон, 1976, с. 18), т. е. признают в нем сосуществование этих двух временных показателей, что требует четкого их разделения на два уровня: парадигматический и синтагматический. Начало нового взгляда на перфект, объясняющего эту грамматическую форму с позиций, отличных от традиционных (а именно, как форму временной отнесенности), было положено в отечественной лингвистике А. И. Смирницким (1959, с. 274–316) и впоследствии поддержано Б. И. Ильишом (Ilyish, 1965, р. 98–100), пересмотревшим свою прежнюю концепцию, а

также Л. С. Бархударовым (1975, с. 116–119), Е. Н. Аксютинной (1965, с. 13, 18), В. Н. Богородицкой (1973, с. 8–11) и др., в том числе и автором этих строк, принявшим его, однако, не полностью, а лишь как основу для иного толкования этой формы.

Исландский же перфект обнаруживает меньшее разнообразие подходов. Главная причина, очевидно, кроется в том, что в исландском, наряду с перфектом, существует ряд так называемых "устойчивых словосочетаний с грамматической направленностью" (Москальская, 1961, с. 87–93), которые "теснят" перфект, сужая его категориальные возможности. Кроме того, следует отметить и недостаточную работанность и самой саментической структуры перфекта в исландском, особенно в зарубежной лингвистике, где эта форма подробно почти не рассматривалась, если не считать работ Бруно Кресса (Kress, 1963, 1982). Остальные публикации представляют собой нормативные грамматики, в которых объяснение временных форм нередко находится под сильным влиянием английской грамматической традиции и дается в терминах английской грамматической школы. Так, F. I. T. Glendening, (1961, p. 139) называет исландский перфект "настоящим совершенным временем", той же терминологии придерживается и S. Einarsson (1949, p. 139), давая ему название "Núliðin tíð", что по сути дела является калькой английского термина "Present Perfect Tense". I. Friojonsson (1978, p. 139), A. Noreen (1923, p. 366) и A. Heusler (1913, p. 145) используют термин "перфект", E. Wessen (1961, s. 125) и I. Fries (1975, s. 107) называют эту грамматическую форму в соответствии с латинской традицией "Perfektum".

Что касается отечественных авторов, то здесь следует особо отметить работу В. Л. Якуба. В ней он констатирует, что "перфект в структуре языка представляет собой одну из форм грамматического времени" (1970, с. 14), хотя и не исключает наличия в нем аспектуальных значений, проявляющихся, однако, под влиянием контекста. В самом первом

издании "Грамматики исландского языка" в России перфект почти не анализируется, но вполне определенно относится к категории времени и называется "прошедшим" (1849, с. 134–139).

Итак, что же следует признать основополагающим фактором при выявлении темпоральной природы перфекта? На наш взгляд, его надо искать в самой идее предшествования, присущего перфекту как грамматической форме связи двух временных планов.

Исходя из того, что предшествование в перфекте понимается как отношение действия в прошлом к настоящему, мы считаем целесообразным заменить его термином "разновременность" (РВ), более точно передающим идею связи двух **разных временных планов**. Далее, вслед за А. И. Смирницким, мы заключаем, что это значение проявляется в данной грамматической форме не безотносительно ко времени, а именно **относительно МР** как конкретного, объективного фактора, выступающего главной (нулевой) координатой на оси времени. В этой концепции мы придаем МР первостепенное значение, т. к. глагольное действие по своему темпоральному показателю проецируется на эту точку отсчета, и от того, каков характер этой проекции (соотнесенности) зависит и темпоральная природа действия: оно может быть абсолютным, если его связь с МР осуществляется напрямую, и относительным, если эта связь опосредствована. Роль МР остается главенствующей и во втором случае, но ориентировка действия на него уже происходит косвенным путем – через другой (промежуточный) временной центр.

Как показал материал исследования, основной типологической чертой, объединяющей английский и исландский перфект, является значение **абсолютного** прошедшего времени, которое мы предлагаем условно назвать **абсолютной разновременностью** (АРВ), учитывая обязательное присутствие в перфектной парадигме семы **разновременности** как **инварианта** этой формы. Но во всех ли случаях функцио-

нирования перфекта мы имеем дело со значением АРВ? Вполне очевидно, что нет. Здесь уместно в качестве сопоставления остановиться на позиции Е. И. Шендельс (1954, с. 122, 126; 1966, с. 49), которая отмечает, что перфект имеет как абсолютное, так и относительное временное значение, причем в качестве относительного времени он может выступать в различных синтаксических позициях. Несколько иной подход обнаруживает Л. Размусен, хотя во многом его точка зрения совпадает с тем, что говорит Е. И. Шендельс: он уточняет, что в относительном значении перфекта заложена его постоянная связь с МР (1891, с. 75). Ту же мысль подчеркивает и А. С. Шехтман (1953, с. 30). Считая безусловно правильным положение о неизменной соотносительности перфектного действия с МР, мы, однако, полагаем, что решение проблемы здесь следует искать в другом направлении, а именно, исходя из того, что перфект выступает прежде всего не как относительное, а как абсолютное время и, стало быть, имеет значение АРВ, но, соотносясь с МР по темпоральному признаку, он одновременно связан с ним и по аспектуальной линии. Иначе говоря, результативность перфектного действия также устанавливается **относительно** МР, что дает нам основание видеть в перфекте еще одну сему, имеющую **относительный** характер, которую мы условно называем **относительным результативным значением** (ОРЗ). То есть отношение перфектного действия к МР проявляется не только по линии темпоральной (значение АРВ), но и по линии аспектуальной (значение ОРЗ). Но мы вправе задать себе вопрос, нет ли в этом кажущемся необычным с первого взгляда тезисе противоречия? Ведь получается, что соотношение с МР дает, с одной стороны, абсолютное, а с другой, относительное значение, хоть и различающиеся по своему содержанию: в первом случае – это абсолютное **временное**, во втором относительное **видовое** значение. Но эта антиномия разрешается очень просто: соотношение перфектного действия с МР по темпоральной линии способствует передаче его парадигматического, более

того, инвариантного значения; соотнесение же с МР по аспектуальной линии порождает лишь сопутствующее значение, имеющее отношение к другому – синтагматическому уровню. Но возможно ли, чтобы соотнесенность объединяла абсолютное и относительное значение одновременно? Однако это уже вопрос терминологического порядка. Конечно же, здесь речь идет о разных явлениях, хоть и похожих друг на друга: в случае АРВ – о **проекции** действия, в случае ОРЗ – о его **контактности** с МР, но в том и в другом случае мы говорим о соотнесенности, чтобы не вводить нового термина, что могло бы привести к нежелательной путанице понятий.

Возвращаясь к синтаксическому принципу установления абсолютного и относительного значения глагольной формы времени, следует отметить, что было бы ошибочно ставить наличие значения АРВ в форме перфекта в прямопропорциональную зависимость от способа логико-синтаксической оформленности предложения, в рамках которого выступает перфектное сказуемое. Не вызывает никаких сомнений, что перфект в самостоятельном или главном предложении сложноподчиненного комплекса выражает значение АРВ, т. к. такое действие непосредственно ориентируется на МР. Но как быть с перфектом, употребленным в придаточном предложении? Выражает ли и он это значение? Вспомним, что некоторые авторы обнаруживают соотнесенность такого действия не с МР, а с глагольным актом в главном предложении и поэтому видят в этом способность перфекта передавать значение относительного времени. Формально так как будто бы и есть, ведь с МР такое действие связано не непосредственно, а косвенно – через сказуемое главного предложения. Но при этом нельзя путать двух разных вещей: логико-синтаксических отношений, скрепляющих высказывание как единое в рамках сложноподчиненного комплекса, с одной стороны, и действующей независимо от них временной проекции действия на МР, с другой. Поясним это на примере: You don't

think we have lost our way, do you? asked my companion (J. T. M. — p. 84).

Понятно, что действие придаточного предложения здесь воспринимается в рамках единого синтаксического делого как зависимое от главного и, таким образом, соотношенное с ним, и тогда сказуемое придаточного также находится в определенной синтаксической связи со сказуемым главного предложения. Причем эта связь может быть не только дополнительной, как в данном случае, но и временной, причинной, следственной и т. д., поэтому для удобства изложения сведем все ее проявления к единому понятию и назовем ее обобщенным термином "синтаксическая соотношенность". С другой стороны, действия в главном и придаточном здесь произошли в разных временных сферах, и их временная природа определяется по тому, как они ориентируются на МР: первое выражает одновременность с МР и, таким образом, является **абсолютным** настоящим временем, второе указывает на РВ и МР и, таким образом, является **абсолютным** прошедшим временем. Теперь нарушим синтаксическую связь между этими действиями предложениями) и представим их себе как отдельные, не зависящие друг от друга: "Вы не думаете" и "Мы потеряли дорогу". В таком случае будет утрачена только синтаксическая соотношенность, но категориальная природа сказуемых этих действий не изменится: оба они останутся абсолютными временами (первое — настоящим, второе — прошедшим) и их темпоральная суть будет выявляться тем же способом, что и в рамках сложноподчиненного предложения, т. е. через соотношенность с МР. О том же свидетельствуют примеры, в которых перфектное действие в силу коммуникативного задания передвигается из придаточного в главное предложение. Приведем пример из исландского: *Ég hef heyrt sagt að þú segir aldrei já nei, hlíðabóndi, sagði ýslumaður* (L. P., bls. 16).

Взятые в рамках единого предложения или каждое по отдельности и здесь оба действия будут соотноситься с МР,

выражая в главном (перфект) – абсолютное прошедшее, в придаточном (презенс) g абсолютное настоящее. Но если при этом исходить из предпосылки о том, что перфект всегда выражает относительное временное значение, то в таких примерах все должно оказаться перевернутым с ног на голову: перфект в главном, где в силу синтаксического фактора действие должно иметь абсолютное временное значение (выходит прямо на МР), будет считаться относительным, а презенс в придаточном, наоборот, имея явно выраженный абсолютный характер по своей морфологической сути, будет в силу того же синтаксического фактора представлен как относительное время. Конечно же, здесь все можно было бы объяснить тезисом А. В. Бондарко о том, что "между абсолютным употреблением форм времени без каких бы то ни было элементов относительности и "чисто относительным" употреблением" существует несколько промежуточных стадий (1968, с. 20). Но было бы более целесообразно отделить принцип синтаксический от темпорального, т. к. фактором, усложняющим ситуацию, является именно синтаксическая соотнесенность. Она невольно накладывается на темпоральную соотнесенность глагольного действия, затушевывая самое важное – категориальное значение временной формы.

Правильность высказанного положения о том, что перфект имеет значение АРВ, независимо от характера синтаксической связи в предложении, подтверждается по крайней мере двумя аргументами.

К первому следует отнести тот факт, что в самой семантической природе перфекта (как *нч* странно это звучит) заложена идея абсолютного временного характера. Чтобы убедиться в этом, вспомним, что об абсолютном темпоральном значении временной формы мы говорим тогда, когда имеет место **выражение отношения момента действия к МР**. Но разве результативная ориентированность перфектного действия на МР не свидетельствует как раз о том, что это действие, подобно стрелке компаса, всегда на-

страивается на тот временной полюс, каким является МР на временной оси независимо от того, в главном или придаточном предложении оно употреблено. Здесь взаимоувязка темпоральных и аспектуальных показателей в перфекте обеспечивается за счет того, что, по-разному характеризуя действие (по способу и времени его совершения), эти показатели проявляются на одной и той же временной линии – от прошлого к настоящему, ориентируясь на единую точку отсчета времени – МР. Ошибочность положения о том, что перфектное действие в придаточном предложении выражает относительное временное значение, очевидна еще и потому, что действие главного предложения, обычно выражаемое презенсом, легко приравнивается в МР, а точнее совпадает с ним: "... You know he has given his proofs, I presume, Colonel Grawley?" (T. V. F., p. 228). *Ég fyrir mína parta álit að þau yfirvöld sem við höfum haft hér í landinu á undanförunum árum haft reynst þjóðinni vel...* (L. S. F., bls. 128).

В таких случаях можно говорить о так называемом грамматическом МР, "который представляет собой отражение в языке внеязыкового момента речи как элемента объективного времени" (Тураева, 1974, с. 8). Иными словами можно сказать, что перфектное действие в придаточном предложении явно соотносится с МР, который в таких случаях бывает представлен презентной формой главного предложения, приравниваемой к грамматическому МР. В принципе подобные примеры ничем не отличаются от тех, где перфект используется в синтаксически независимой позиции и его соотносительность с МР не требует доказательств.

Второй аргумент – нередко встречающиеся примеры, когда перфектное действие зафиксировано как в главном, так и в придаточном предложениях. В таких случаях оба действия в перфекте неоспоримо соотносены с МР и прежде всего актуальны для него, а не друг для друга и выступают в одном и том же временном значении АРВ; а то, что они соединены между собой в рамках сложноподчиненного

целого, продиктовано логико-коммуникативными соображениями, т.е. вытекает из структурно-семантической оформленности высказывания: ... *it has been reported that Henderson has been appointed American Ambassador to India* (B. T. A. D., p. 36). *Enda hef ég aungvan þann úrmakara fyrirhitt sem hefur skilið þessa klukku* (L. B. A., bls. 11).

Итак, эти аргументы опровергают точку зрения о том, что перфект в главном (самостоятельном) предложении выражает абсолютное, а в придаточном – относительное временное значение. В любой синтаксической позиции перфект имеет значение АРВ. Это значение признается нами **доминирующим темпоральным показателем перфекта** в обоих языках, его **инвариантом**.

Установив, таким образом, топологически общую основу парадигматической структуры перфекта в обоих языках, перейдем к тому, что не совпадает в их семантическом рисунке. Но сначала о формальном несовпадении. В исландском, в отличие от английского, перфект может быть представлен разветвленной парадигмой форм сослагательного наклонения, используемых для передачи косвенной речи (*hafi, hafir, hafi, höfum, hafið, hafi tekið*). *En hvað haldið þið að það hafi verið?* (L. S. F., 67).

Перфект и здесь выражает АРВ, хотя формально-грамматические отношения в таких случаях предстают в более усложненном виде. Но наибольший интерес представляет способность исландского перфекта проникать в сферу действия претерита, что сближает его с другими скандинавскими языками и, в значительной степени, с немецким. Е. И. Шендельс называет такое значение перфекта дистантным (1966, с. 48), а Р. А. Домбровская – аористическим (1974, с. 16).

При анализе дистантной разновидности перфекта следует различать два коммуникативных плана – прямую речь и повествование о событиях прошлого, которые точнее следовало бы назвать терминами "направленный ком-

муникативный регистр" и ненаправленный коммуникативный регистр" (Веденькова, 1984, с.17–27; Шубин, 1972, с.26–29). В первом случае имеет место предшествование перфектного действия МР, во втором перфект оказывается в претеритальном окружении, что усложняет вопрос о его соотнесенности с МР: остается ли он контактным с МР или же ориентирован на него косвенным путем – через временной центр прошедшего?

Сначала рассмотрим употребление перфекта в прямой речи, когда действие локализуется на оси времени в какой-то определенной точке прошедшего, например: *Þuríður: Það nefur að minnsta kosti ekki verið keyrt heim í lögreglubíl um miðja nótt* (J. T. L., bls. 95).

Роль конкретных указателей претеритального плана здесь заключается в том, что они как бы прерывают соотнесенность перфектного действия с МР, разобщают его с этой нулевой точкой отсчета времени, тем самым лишая действие результативно-актуальной связи с настоящим. Такой перфект действительно способен выражать дистантное значение – ведь действие, прикрепленное конкретизаторами точного прошедшего времени к точке, лежащей на оси времени в сфере прошлого, отрывается от настоящего и становится фактом прошлого. Функция контекста претеритального плана сводится здесь к тому, что он нейтрализует в перфекте сему "контактность", заменяя ее семой "дистантность". Но лишаясь результативно-актуальной соотнесенности с МР (т. е. утрачивая ОРЗ), перфект неизменно сохраняет самое главное: значение АРВ. В исландском такое употребление перфекта считается факультативным, в английском же оно противоречит норме, т. к. английский перфект последовательно контактен и с определенными указателями плана прошедшего вместо него употребляется претерит (перевод вышеприведенного примера на английский): *Thora: At least there was no being brought home in a police car in the middle of the night...* (p. 152–153).

Но наибольшего внимания заслуживают случаи употребления перфекта в ненаправленном коммуникативном регистре: *Hann hitti smálapilt og spurði um mannaferðir sunnan Kaldadal en piltúngur kvað enn ekki hafa verið ríðið sunnan í dag...* (L. I. K., bls. 135).

В таких случаях главное, на наш взгляд, заключается в том, что темпоральная природа перфекта выявляется не через установление связи с временным центром прошедшего (действие в претерите), а через тот же МР, на что обращает внимание и В. П. Берков, анализируя аналогичную ситуацию в норвежском. При этом существенным он считает "именно то, что действие, обозначаемое глаголом придаточного предложения, произошло до момента высказывания всего предложения, а не до действия, обозначаемого глаголом главного предложения" (1978, с. 45). Связь с настоящим (ОРЗ) в таких случаях может утрачиваться, но она может и сохраняться, правда, в несколько ослабленном виде: *Sigvaldi mælti þá: "Hversu hafi þér Strút-Haraldr sett málum yðrum aðr þér fóruð ár landi?"* (J. S., bls. 22). В диакронии встречались и случаи, когда перфект замыкался одним лишь претеритальным планом, то есть выступал "в том же значении, что плюсквамперфект", на что указывает М. И. Стеблин-Каменский (1955, с. 117). О таком употреблении перфекта говорит и I. Smári (1920, s. 177) и неудивительно, что он относит перфект к временным формам плана прошедшего, давая ему название "fortið" (там же, 176).

Точности ради следует отметить, что случаи использования перфекта на претеритальном фоне можно обнаружить и в английском, преимущественно в дополнительных предложениях, что отмечается и некоторыми грамматистами (см. Гаркунова, 1954, с. 15). "Yes Jolyon", she said, "We were just saying that you haven't been here for a long time" (G. M. P., p. 207).

И наконец – об относительном временном значении, которое тоже отмечается в форме перфекта. О нем можно говорить в трех случаях: 1) при переносном употреблении

времен, когда происходит смещение, сдвиг темпорального плана относительно МР, 2) при взаимодействии перфекта со всевременным презенсом и, наконец, 3) когда перфект выступает в футуральном значении. Соотнесенность перфектного действия с МР в подобных случаях всегда носит опосредованный характер, т. к. устанавливается не прямо через МР, а косвенным путем – через иную временную точку отсчета, которая выражается в первых двух ситуациях через нехронологический презенс, а в последней – через действие в футуруме. Оставим в стороне перфект в футуральном значении, т. к. относительный временный характер такого действия не требует особых доказательств; а на двух первых случаях остановимся подробнее.

Нехронологический презенс имеет две разновидности: исторический (драматический) презенс и всевременной презенс, иначе называемый панхронным или вневременным. Каков же механизм воздействия этих разновидностей нехронологического презенса с формой перфекта?

Передача действий плана прошедшего с помощью исторического презенса представляется довольно обычным явлением в речи, соответственно и перфект встречается чаще во взаимоувязке с таким презенсом. Отметим здесь главное: перфект, действующий на фоне исторического презенса, уже сам по себе имеет относительное временное значение, независимо от того, в главном (самостоятельном) или придаточном предложении он употреблен, ведь такое перфектное действие соотносится с МР не непосредственно, а преломляясь через нехронологический презенс. Последний же, в отличие от презенса хронологического, не приравнивается к МР, а является временным центром, находящимся в другом темпоральном измерении, т. к. известно, что исторический презенс представляет собой настоящее лишь по форме, а по сути – это не что иное, как прошедшее. И уж, конечно, синтаксический принцип тут не причем: как в главном, так и в придаточном предложении такое перфектное действие остается относительным време-

нем, т. к. связь с МР происходит действительно косвенным путем.

Мы знаем, что стилистической функцией презенса, выступающего в исторической разновидности, является оживление повествования о событиях прошлого. Такую же функцию начинает выполнять и перфект, который, вступив во взаимодействие с историческим презенсом, сближается с ним по выражаемому значению. При таком сдвиге всего плана повествования в настоящее, как и при прямом употреблении перфекта, происходит актуализация прошлого действия, но не для МР, а для действия в историческом презенсе, а это означает, что перфект и в подобном употреблении выражает РВ, но уже по отношению к историческому презенсу: *our small sorrows creep away ashamed. The day has been so full of fret and care, and our hearts have been so full of evil and of bitter thought, and the world has seemed so hard and wrong to us* (J. T. M., 93).

Og þegar hann hefur fullþurkað gleraugun og horft á mig nóg réttir hann mér höndina og segir (H. L. A., bls. 8).

Таким образом, можно сказать, что перфект и здесь сохраняет инвариантное значение РВ, но оно предстает в ином качестве: не как РВ абсолютная, устанавливаемая непосредственно через МР, а как относительная, проявляющаяся через соотнесенность с временным центром в прошлом, сдвинутым по соображениям коммуникации в настоящее. Это так называемая **относительная разновременность** (ОРВ). А так как "при транспозиции грамматическое значение формы сохраняется, проявляясь в том или ином варианте" (Бондарко, 1958, с. 11), то можно сказать, что ОРВ здесь выступает по отношению к РВ как вариант по отношению к инварианту.

Что касается функционирования перфекта во взаимодействии со **всевременным** презенсом, то здесь темпоральные отношения предстают в несколько ином виде. Прежде

всего в таких случаях нет того временного центра, который может быть приравнен к иному темпоральному плану, как это имеет место при историческом презенсе. Если исторический презенс – это грамматическая форма настоящего времени, выражающая действие, транспонированное в прошлое, то всевременный презенс – это настоящее и только настоящее, хотя и обладающее довольно широким временным континуумом. Но и здесь можно говорить о том, что действие в перфекте имеет относительный временной характер. И действительно, связь перфекта с МР в таких случаях устанавливается не напрямую, а косвенно – через действие во всевременном презенсе, который никогда не приравнивается к МР, как это может происходить с хронологическим презенсом, когда префект имеет значение АРВ. Знак равенства между всевременным презенсом и МР нельзя поставить по той простой причине, что действие, им выраженное, может быть или неоднократно повторено на временной оси, или может иметь характер всевременной данности, т. е. с конкретным МР не совпадает. В этом мы легко убеждаемся на следующих примерах: -Then I may take it that when the planes unload, the attack has started? (Н. В. Т., p. 10). Maður sem aldrei hefur séð hollenskan gulldukat veit ekki hvað það er að hafa lifað (Н. Л. I. К., bls. 62).

В первом случае имеется в виду лишь констатация обобщенного характера (действие, которое может повторяться неоднократно): атака начинается всякий раз, когда самолеты сбрасывают свой груз. Во втором примере перед нами не конкретное лицо, которое никогда не видело золотого дуката, а вообще человек, который не знает, что такое золото; т. е. связь с МР тоже не прямая, а опосредствованная. В подобном употреблении перфекта видят относительное временное значение и другие авторы (Натанзон, 1976, с. 17), отмечая при этом его постоянный, повторяющийся характер (Иртеньева, 1956, с. 87). Если же учесть, что перфектное действие даже во всевременном плане предшеству-

ет действию в презенсе, то можно заключить, что и здесь, как и при взаимодействии с историческим презенсом, перфект имеет значение ОРВ.

Выводы: 1) форма перфекта в английском и исландском имеет типологически общее темпоральное наполнение, 2) независимо от характера синтаксических связей в предложении, перфект в этих языках выступает как абсолютное время и обладает значением АРВ, реализуемом на парадигматическом уровне, 3) исландский перфект, в отличие от английского, обнаруживает тенденцию к проникновению в сферу действия претерита, т. е. может выступать в своей дистантной разновидности, 4) в футуральном употреблении и при взаимодействии с нехронологическим презенсом, когда связь перфекта с МР устанавливается не напрямую, в нем отмечается значение ОРВ.

ON THE DIFFERENCIATION OF THE ABSOLUTE AND RELATIVE MEANINGS OF THE PEFEKT FORM OF THE ENGLISH AND ICELANDIC LANGUAGES

V. G. Boiko

S u m m a r y

The article deals with the problem of the Perfect paradigm in the modern English and Icelandic languages. The investigation shows that this grammar form has the meaning of *a b s o l u t e* time on the paradigmatic level and that of *r e l a t i v e* time on the syntagmatic level; the formed being its *i n v a r i a n t*, the latter-its *v a r i a n t*. The realization of the variant meaning depends on the context, namely on the influence of the historic and constant Present. Unlike English, the Icelandic Perfect can be also used in the preterital meaning — the so-called distant Perfect. In this respect it bears resemblance with the Perfect in the other Scandinavian languages and especially in German.

ЛИТЕРАТУРА

Bryan, 1936 — B r y a n W. T. The Preterite and the Perfect Tense in Present-Day English // Journal of English and Germanic Philology. XXXV. N 3. Urbana. Ill. 1936.

Charlestone, 1941 - C h a r l e s t o n e B. M. Studies on the English Verb. Bern., 1941.

Curme, 1935 - C u r m e G. O. A Grammar of the English Language. Syntax. V. 1. Boston - New York, 1935.

Deutschbein, 1939 - D e u t s c h b e i n M. Aspect und Aktionsarten im Neuenglischen. Leipzig, 1939.

Einarsson, 1949 - E i n a r s s o n S. Icelandic Grammar. Baltimore, 1949.

Fries, 1975 - F r i e s I. Lärobok i nutida isländska. Stockholm, 1975.

Friðjónsson, 1978 - F r i ð j ó n s s o n J. A. Course of Modern Icelandic. V. 11. Reykjavík, 1978.

Ganshina, Vasilevskaya, 1964 - G a n s h i n a M. A., V a s i l e v s k a y a N. M. English Grammar. Moscow, 1964.

Glendening, 1961 - G l e n d e n i n g P. J. T. Icelandic. London, 1961.

Heusler, 1913 - H e u s l e r A. Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913.

Ilyish, 1965 - I l y i s h B. A. The Structure of Modern English. M.; L., 1965.

Kress, 1963 - K r e s s B. Laut- und Formenlehre des Isländischen. Halle (Saale), 1963.

Kress, 1982 - K r e s s B. Isländische Grammatik. Leipzig, 1982.

Markwardt, 1942 - M a r k c h w a r d t A. H. Introduction to the English Language. Toronto-New York, 1942.

Nesfield, 1979 - N e s f i e l d J. C. Outline of English Grammar. London, 1979.

Noreen, 1923 - N o r e e n A. Altisländische Grammatik. Halle (Saale), 1923.

Poutsma, 1922 - P o u t s m a H. Mood and Tense of the English Verb. Groningen, 1922.

Schendels, 1982 - S c h e n d e l s E. Deutsche Grammatik. Moskau, 1982.

Smári, 1920 - S m á r i J. J. Íslensk setningafr æði. Reykjavík, 1920.

Wessén, 1961 - W e s s é n E. Isländsk grammatik. Stockholm; KÖopenhavn; Helsinki, 1961.

Аксютина, 1955 - А к с ю т и н а Е. И. Единая система английского глагола и комплексный путь обучения грамматике // ИЯШ. М., 1955. № 5.

Бархударов, 1975 - Б а р х у д а р о в Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.

Берков, 1978 - Б е р к о в В. П. Согласование времен в норвежском языке // Скандинавская филология. Вып. 399. ЛГУ, 1978.

Богородицкая, 1973 - Б о г о р о д и ц к а я В. Н. Об определении единицы усвоения при концентрированном изучении грамматики

тики второго иностранного языка // Обучение иностранным языкам в высшей школе. МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Вып. 79. Ч. I. 1973.

Бойко, 1964 – Б о й к о В. Г. Об абсолютном и относительном значении формы перфекта настоящего времени в современном английском, немецком и шведском языках: Автореф. канд. дисс. М., 1964.

Бондарко, 1958 – Б о н д а р к о А. В. Настоящее историческое время глаголов совершенного и несовершенного видов в славянских языках: Автореф. канд. дисс. Л., 1958.

Бондарко, 1968 – Б о н д а р к о А. В. Система времен русского глагола в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий: Автореф. док. дисс. Л., 1968.

Веденькова, 1984 – В е д е н ь к о в а М. С. Система глагольных времен и два плана речевого высказывания в современном немецком языке: Автореф. док. дисс. Л., 1984.

Воронцова, 1953 – В о р о н ц о в а Г. Н. Значение перфекта в современном английском языке: Автореф. док. дисс. М., 1953.

Гаркунова, 1954 – Г а р к у н о в а З. П. Употребление временных форм в дополнительном придаточном предложении в современном английском языке. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1954.

Домбровская, 1974 – Д о м б р о в с к а я Р. А. Взаимодействие временной и видовой семантики в системе немецкого глагола. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Минск, 1974.

Ильиш, 1948 – И л ь и ш В. А. Современный английский язык. М., 1948.

Иртеньева, 1956 – И р т е н ь е в а Н. Ф. Грамматика современного английского языка (теоретический курс). М., 1956.

Казанцева, 1973 – К а з а н ц е в а Ю. М. Малая система прошедших времен в современных германских языках (на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1973.

Москальская, 1961 – М о с к а л ь с к а я О. И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью // ВЯ. 1961. № 5.

Натанзон, 1976 – Н а т а н з о н Е. А. Учебное пособие по грамматике "Категория английского глагола" (курс лекций) / МГПИИЯ им. Мориса Тореза. М., 1976.

Размусен, 1891 – Р а з м у с е н Л. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. Спб., 1891.

Сабинин, 1849 – С а б и н и н С. К. Грамматика исландского языка. Спб., 1849.

Смирницкий, 1959 – С м и р н и ц к и й А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Стеблин-Каменский, 1955 – С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. Древнеисландский язык. М., 1955.

Тураева, 1974 – Тураева В. А. Время грамматическое и время художественное: Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. Л., 1974.

Шендельс, 1954 – Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М., 1954.

Шендельс, 1966 – Шендельс Е. И. О сопоставительно-типологическом анализе в морфологии // Структурно-типологическое описание современных германских языков / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1966.

Шехтман, 1953 – Шехтман А. С. Грамматические функции перфекта и стилистические особенности его употребления в современном немецком языке: Дисс.... канд. филол. наук. Харьков, 1953.

Якуб, 1970 – Якуб В. Л. Вид и время в современном исландском языке: Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. М., 1970.

Шубин, 1972 – Шубин Э. П. Языковая коммуникация в обучении иностранным языкам. М., 1972.

Ярцева, 1966 – Ярцева В. Н. Типологические исследования морфологических структур в родственных языках // Структурно-типологическое описание современных германских языков. Ин-т языкознания АН СССР. М., 1966.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- B. T. A. D. – Bucar A. The Truth about American Diplomats. Moscow, 1949.
G. M. P. – Galsworthy J. The Man of Property. Leipzig, 1966.
H. B. T. – Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. Ringwood, 1949
J. T. M. – Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat. Moscow, 1948.
J. S. – Jomsvikinga saga. London. Edinburg, 1962.
J. T. L. – Jakobsson J. Tvö leikrit. Reykjavik, 1965.
L. A. – Laxness H. K. Atomstödin. Reykjavik, 1948.
L. I. K. – Laxness H. K. Islandsklukkan. Reykjavik, 1943.
L. B. A. – Laxness H. K. Brekkukots annall. Reykjavik, 1960.
L. P. – Laxness H. K. Paradisarheimt. Reykjavik, 1960.
L. S. F. – Laxness H. K. Sjalfst ett folk. Reykjavik, 1952.
T. V. F. – Thackeray W. M. Vanity Fair. Moscow, 1950.

Maskvos Kooperacijos
Institutas

Įteikta
1991 m. sausio mėn.